

УДК 94(575.2)

РОЛЬ ИНОСТРАННОГО ФАКТОРА В ТРАГИЧЕСКИХ СОБЫТИЯХ 1916 г.

Д.С. Маджун

В начале XX в. усиливается борьба ряда государств за передел мира и вытеснение России из Центральной Азии, а в качестве средства используется организация восстания мусульманского населения.

Ключевые слова: восстание 1916 г.; Россия; дунгане; опиум; германские агенты; китайские анархисты; протекторат Турции.

THE ROLE OF FOREIGN FACTOR IN THE TRAGIC EVENTS OF 1916.

D.S. Madjun

In the early of twentieth century a number of States have strengthened the struggle for the redistribution of the world and replacement of Russia from Central Asia, as a means used by the organization of the uprising of the Muslim population.

Keywords: uprising in 1916, Russian, Dungan, opium, German agents, Chinese anarchists, Turkish protectorate.

Во время первой мировой войны, несмотря на ряд территориальных потерь, русские войска в 1914–1916 гг. одержали несколько крупных побед в Европе и Турции, а Россия как никогда была близка к победе над Германией. В начале 1916 г. русские войска разгромили турецкую армию, овладев городами Эрзрум, Трапезунд, Эрзинджан и Муш. Пока русские сражались на Восточном фронте, немцы не могли перебросить все свои войска на Запад. Несмотря на существенные военные победы Германии к концу 1915 г., ее генеральная цель – полное поражение одного из противников и вывод его из войны – не была достигнута.

Усиление экономической и военной мощи Российской империи было крайне невыгодно европейским государствам, стремившимся распространить свое влияние на евроазиатском континенте. Турция и особенно Германия тратили огромные деньги на дестабилизацию внутривосточной обстановки в России и на ее окраинах, не жалея средств на порожественскую и социалистическую пропаганду с целью разрушить царскую империю изнутри.

Турция, потерпевшая ряд крупных поражений от России, хотела бы отвлечь русские силы от Кавказского фронта, лелея надежду в случае успеха повстанцев осуществить свой план по созданию в Средней Азии мусульманского государства под своим протекторатом. В донесениях в департамент полиции отмечалось, что пропаганда, инициированная Стамбулом, велась довольно-таки интен-

сивно: говорилось о бабьих бунтах с участием мусульманок, тайных сборах денег в пользу Турции, распространении слухов о её победах и возможном изгнании русских из Туркестана. Повсеместно распространялись слухи о поражениях русских войска, а самые малые успехи немцев и особенно турок безмерно преувеличивались.

Несмотря на то, что Англия была союзницей России в Первой мировой войне, вопрос противоборства с Россией за подступы к Индии оставался актуальным, поэтому Англия имела свой интерес в этом конфликте.

Китай также был заинтересован в ослаблении России, мечтая взять реванш за Петербургский договор 1881 г., а китайские анархисты и контрабандисты, при поддержке германо-турецкой агентуры, хотели использовать этот конфликт, чтобы вывезти опиум из Семирежья.

России этот конфликт был весьма опасен вследствие возможной потери контроля над этой огромной стратегически важной территорией, на освоение которой были затрачены десятки лет и огромные средства.

К. Усенбаев указывает, что в начале XX в. участилось паломничество состоятельных лиц в Мекку, число паломников составляло до нескольких тысяч человек в год. В это же время оживилась деятельность турецких агентов, призывавших к священной войне против неверных. В период Первой мировой войны Турция, Германия, США и другие

страны засылали в Среднюю Азию своих агентов. По инициативе германских империалистов в Берлине был созван съезд мусульман, на котором рассматривался вопрос об объединении народов, исповедующих ислам, и выступлении последних против неверующих, в частности, русских. Император Вильгельм II «провозглашал себя покровителем ислама и даже более – божьим посланником» [1]. Германия издавала множество газет и журналов на восточных языках и в огромном количестве распространяла их в мусульманском мире [2].

Англичане создали в Индии особые школы по подготовке из мусульман военных разведчиков. Эти курсанты в большом количестве направлялись в Среднюю Азию, где под видом торговцев, ишанов и дервишей (религиозные проповедники) вели разведку. После Первой русской революции британская разведка, при сборе сведений о важных в стратегическом отношении районах, стала обращать повышенное внимание не только на военные объекты и состояние экономики, но и на политическую жизнь и межнациональные отношения в конкретных регионах [3].

Некоторые факты биографии руководителей повстанцев – Мокаша Шабданова и Каната Абукина, которые совершили паломничество в Мекку, свидетельствуют о возможной связи их с турецкой агентурой. Русские власти рассматривали хадж как один из каналов распространения в России панисламизма, пантюркизма и русофобии [4].

Россия в это время переживала глубокий политический и социально-экономический кризис старого общественного строя, сопровождавшийся падением авторитета царя и его окружения, ростом инфляции, при том, что правительство было неэффективным и коррумпированным. Еще более коррумпированной была система управления Туркестанским краем и Семиреченской областью, контроль над которыми из столицы был затруднен в силу ряда объективных и субъективных причин. Наступление русских переселенцев на земельную собственность и права коренного населения края вынуждало его искать поддержки у мусульманских стран – той же Турции – обещавших избавление из-под власти неверных.

Подрывную деятельность в толще мусульманских народов Семиречья легче всего было вести с территории соседнего Китая. По донесениям русских консулов из Кульджи и Кашгара, в конце 1914 г. резко усилилась деятельность в Восточном Туркестане германо-турецкой агентуры.

Китайское правительство ограничило выезд мусульман в Россию, выпуская их на месячный срок небольшими группами и снабжая их деньгами и одеждой. Все это делалось втайне от русского консула в Кульдже. В начале 1915 г. вышло

циркулярное распоряжение Пекина губернаторам всех провинций иметь в полной готовности в каждой провинции десятитысячное войско. А в апреле 1915 г. из Кульджи наблюдался массовый проезд торгующих китайцев через станцию Баши, которые затем растворялись на просторах Семиречья, никем не контролируемые. Тысячи китайских рабочих были привлечены к строительству железной дороги, рытью канала и выращиванию опиумного мака в Пржевальском уезде [5].

Центральные власти Китая оказывали всемерную поддержку германо-турецкой агентуре, свободно чувствовавшим себя на территории Средней империи. Так, проживающие в Яркенде германские офицеры заявили уездному начальнику, что если в их ставку будут допускать русских или английских подданных, они их будут убивать, а китайские подданные могут беспрепятственно посещать немцев. Немцы также потребовали доставки фуража и еды, заявив, что в случае неисполнения будут жаловаться императорскому посланнику в Пекине [6].

Поражение России в войне с Японией и неудачи русского оружия в Первой мировой войне породили в правящих кругах Китая надежду ослабить позиции России в Сынцзяне. Тысячи военнопленных враждебных армий выслались в Туркестан с началом войны, а в начале 1915 г. сюда стали активно и массово проникать агенты иностранных государств, проводивших свою подрывную деятельность. К июню 1915 г. численность военнопленных в Туркестанском крае превысила 148 тыс. человек [7], а к марту 1916 г. их общее число достигло 200 тыс. человек. Это превышало численность населения городов, в которых они размещались [8]. Контроль над ними, в силу разных причин, не мог осуществляться в полном объеме.

Китайские власти не только принимали бежавших из России военнопленных вражеских армий, но и оказывали им поддержку и покровительство. Так, Сынцзянский губернатор распорядился отправить в Урумчи бежавших из России в Кашгар военнопленного германца и австрийца и прибывших в Яркенд из Афганистана немецких офицеров со всеми сопровождавшими их лицами [9].

В.А. Моисеев отмечает, что в организации восстания в Семиречье принимали участие известные в Сынцзяне участники Сынхайской революции Ли Сяо-фын и Юй Дэ-хай, которые состояли членами секретного общества «братьев» («Гэ-Лао-Хуэ») [10].

В Кульджинском районе члены общества «Гэ-Лао-Хуэ» подвергались преследованию и многие его члены были казнены. В 1915 г. трое его членов были командированы в Семиреченскую область для пропаганды идеи свержения монархического строя. В Пржевальск прибыл Ян-Фань-Ма, в Пишпек – Ли-

Синь-Фин (который перед поездкой принял магометанство) и в Верный – Дзин-Дзин-Юан, который позднее выехал в г. Токмак и поселился в дунганском с. Николаевском. Все они занялись вербовкой в свои ряды дунган – русско-подданных и китайско-подданных и частью киргизов, и только в Пржевальске им удалось образовать банду в 1000 человек [11].

Из дознания, произведенного начальником Верненского сыскного отделения от 2 сентября 1916 г., видно, что члены тайного общества «Гэ-Лао-Хуэ» в числе четырех человек вели пропаганду среди дунган селения Каракуруз, призывая к восстанию против русских властей. Они планировали после изгнания русских властей из пределов Туркестанского края, образовать здесь отдельные ханства под управлением мусульман [12].

Подрывная деятельность китайских монархистов в с. Николаевском (Каракуруз) проводилась среди молодых дунган, подлежащих призыву, которых подбивали восстать против русских. Но идеи монархистов не нашли поддержки среди местных дунган, которые на собрании в мечети даже приняли присягу не изменять русскому правительству [13].

Если в Китае за принадлежность к партии «Гэ-Лао-Хуэ» власти сразу приговаривали к казни, в Семиречье обходились с ними более гуманно, поэтому численность приверженцев этой партии накануне восстания возросла в сотни, если не в тысячи раз. Осенью 1916 г. китайско-подданные Ма-Сян-Ян Малифу, Ян-Зу-Ян, Ян-Фу-Чуй, Гу-Сю-Ву, Гу-Юн-Тай и Ли-Син-Фин за подстрекательство дунган Пишпекского уезда к беспорядкам были заключены в Пишпекскую тюрьму на три месяца каждый [14].

Дунганское население Кашгара находилось в тесной связи с дунганами Пржевальского уезда, многих из них связывала преступная деятельность по контрабанде опиума в пределы Китая. Русский консул в Кашгаре допускал возможность возникновения между ними преступных сношений и другого рода [15]. Во многих документах говорится о том, что все члены общества «Гэ-Лао-Хуэ» попадали в Семиречье под видом рабочих, на самом же деле занимались, подготовкой населения к восстанию и образованию отдельного ханства [16].

Так, по свидетельству крестьянина с. Николаевского Гу-Ган-Фу Гушинтая, постоянно проживающего в г. Сендуне, в начале июня, после объявления указа о реквизиции, к нему пришел китайско-подданный дунганин Джин-Эр-Шанью и сообщил о письме из Пржевальска от одного из руководителей китайского общества «Гэ-Лао-Хуэ» Южи-Хая. Тот писал о том, что, проживая в Пржевальском уезде среди киргизов и дунган, он успел подготовить почву к восстанию мусульман против русских в Семиречье и просил его, Джин-Эр-Шанью,

немедленно выехать в Токмак, чтобы подготовить местное население к восстанию. Южи-Хай также писал, что если восстание позволит сделаться ему ханом, то он назначит Джин-Эр-Шанью своим помощником.

В Мариинской волости именно подданные Китая стали зачинщиками и главными организаторами мятежа в Пржевальском уезде. Об этом свидетельствуют многие архивные документы. Так, в одном из них говорится, что агитация шла из Кульджи и Кашгара, где масса немцев занимается темными делами. В горах над Пржевальском в начале августа происходят собрания киргиз, на которых ораторствуют агитаторы из Китая [17]. В Семиречье и Кашгарии ходили упорные слухи, что в подготовке восстания участвовал даже бывший губернатор Кашгара Ю Нома, а из Синьцзяна в Семиречье якобы тайно поставлялось оружие [18].

Накануне восстания, под предлогом покупки опиума, из Китая в Семиречье прибыло значительное число (до нескольких тысяч) казахов и киргизов, дунган, уйгуров, китайцев, сартов и калмыков. Многие из них были вооружены и вели активную антирусскую пропаганду среди казахского и киргизского населения, убеждая его в том, что мусульман посылают на фронт с «целью перебить, а земли отдать русским поселенцам». Современник отмечал, что китайские анархисты могли проникнуть свободно только на Каркару, в Пржевальский и Пишпекские уезды в числе рабочих, привлеченных опиумным делом. Идея анархистов поднять восстание пришлась по душе некоторой части дунган с. Мариинского, промышлявших контрабандой опиума.

Русские консулы из Китая сообщали о том, что анархисты имели сношения с немецкими агентами, шнырявшими в Кульдже и Кашгаре, а мятеж разгорелся в тех районах, где было большое скопление китайских сезонных рабочих, и охватил главным образом район Каркары, бассейн озера Иссык-Куль и верховья долины реки Чу [19]. Именно в этих районах Семиречья наблюдались признаки организованности повстанцев с использованием совершенно новых для того времени и той местности элементов техники и военных методов осуществления «народного недовольства».

Военные отмечали, что восставшие организовывали отряды на манер воинских подразделений, имели свои опознавательные знаки, работала разведка при подготовке к наступлению, повстанцы окапывались, наладили оптическую сигнализацию между отрядами. То есть восставшими руководили опытные военные, владевшие тактикой современного боя, с которой скотоводы, не служившие в армии, были не знакомы.

Мусульманскому населению прививалось чувство острого недовольства складывающейся в стра-

не ситуацией и поддерживалось стремление группы активной молодежи взяться за оружие и выступить против русской власти.

Целью китайских контрабандистов и скупщиков, активно участвовавших в беспорядках в Пржевальском уезде, был вывоз урожая собранного опиума, исчислявшегося сотнями тысяч и даже миллионами рублей, в Китай. Преступная деятельность ряда представителей китайских властей принесла существенный ущерб русским интересам и громадные убытки русским подданным – кыргызам, казахам, дунганам и другим народам, которых обобрали на границе. Только возможные убытки киргизов от потери скота, исчислялись суммой в 12–15 млн рублей [20].

В то время, когда Россия с перенапряжением сил вела войну в Европе, провоцирование кровавого конфликта в Семиречье угрожало гибелью русского дела на этой восточной окраине. Для подавления восстания Россия вынуждена была снять часть войск с фронта, что не только ослабило, но и поставило под удар ее восточные рубежи. Пришлось снять несколько пограничных частей из и без того малочисленных гарнизонов Кочкорки и Кушки, охраняющих государственную границу с Китаем. Более тревожной оставалась слабость охраны границы с Афганистаном, который, как и Персия, в случае ослабления России, мог встать в ряды ее врагов [21].

Средняя Азия являлась стратегически важным районом для целого ряда государств, не только соседних – Китая, Афганистана, Персии, но и европейских – Англии, Германии и Турции. Абсолютно все народы Туркестанского края – кыргызы, казахи, узбеки, русские, уйгуры, дунгане и др. – стали инструментом борьбы в руках иностранных государств против Российского влияния в этом регионе. Все народы Семиречья стали жертвами иностранной подрывной деятельности. Вне зависимости от национальности и вероисповедания, все потеряли своих близких и детей, лишились жилья и имущества, своими руками разрушили селения, телеграфное сообщение, оросительные каналы и пр. – всё, что строили и создавали многолетним совместным трудом. Российское государство, затратившее огромные материальные и людские ресурсы на освоение этих территорий, хоть и смогло подавить восстание, но уже не в состоянии было остановить усиливающийся процесс разрушения монархических устоев государственности.

Литература

1. ЦГИА СПб. Ф. 821. Оп. 133, 1913–1917 гг. Д. 471. Л. 21.
2. Усенбаев К. Восстание 1916 года в Киргизии. Фрунзе, 1967. С. 78–79, 235.
3. Мухлынин Б.Ф. История села Беловодское: в 3 т. СПб., 2015. (<http://belovodskoe-muh.ucoz.ru/index/0-2>).
4. Нуоров Г. О характере восстания 1916 г. в Киргизии. / РФ ИЯЛИ НАН КР. Инв. 1520.
5. ЦГА Респ. Каз. Ф. 44. Оп. 1. Д. 17655. Л. 158, 165, 172.
6. ЦГА Респ. Каз. Ф. 44. Оп. 1. Д. 38239. Л. 9–11, 17.
7. История Узбекской ССР. Т. 2. Ташкент, 1968. С. 525, 556.
8. Котюкова Т. Восстание 1916 г. в Туркестане ошибка власти или историческая закономерность? // Обозреватель Observer. В. 2011. С. 98–124.
9. ЦГА Респ. Каз. Ф. 44. Оп. 1. Д. 38239. Л. 14.
10. АВПРИ. Ф. Китайский стол. 1914–1917 гг. Д. 448. Л. 140–140 об. / См.: Моисеев В.А. Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Барнаул, 2003. С. 302.
11. ЦГИА Каз. ССР. Ф. 77. Д. 40. Л. 4–5. // В кн.: Восстание 1916 года. Бишкек, 2015, С. 205.
12. ЦГИА Каз. ССР. Ф. 44. Оп. 2. Д. 16900. Л. 1. // В кн.: Восстание 1916 года. Бишкек, 2015. С. 215.
13. ЦГИА Каз. ССР. Ф. 77. Оп. 1. Д. 28. Л. 12 об. // В кн.: Восстание 1916 года. Бишкек, 2015. С. 208–209.
14. Семиреченские областные ведомости. 1916. 14 октября. № 83.
15. ЦГИА Каз. ССР. Ф. 77. Д. 40. Л. 94–95. // В кн.: Восстание 1916 года. Бишкек, 2015, С. 217.
16. ЦГИА Каз. ССР. Судеб. след. Вернен. окружного суда. Ф. 77. Д. 40. Л. 102–103. // Восстание 1916 года. Бишкек, 2015. С. 224–226.
17. ЦГА Кырг. Респ. Ф. И-75. Оп. 1. Д. 46. Л. 99.
18. ЦГА Респ. Каз. Ф. Верненский окружной суд. Оп. 1. Д. 2123. Л. 105–106.
19. ФРРК НБРК. Инв. 66, л. 129.
20. ЦГИА Уз ССР. Ф. 284. Д. 21. Л. 17–47 // Восстание 1916 года: документы и материалы. Бишкек, 2015. С. 180–184.
21. Куропаткин, ген. Рапорт Николаю II от 22.02.1917 г. о восстании 1916 г. Ташкент, 1917. Фонд редких книг и рукописей Нац. Библиотеки Респ. Каз. Инв. 69. Л. 19.